

личными группами разговорного языка, включая диалекты и профессиональный жаргон, заметно стерлась в эпоху возросшего социального угнетения. Языком массы (массовой культуры) стал язык журналистских клише. Именно в нем обрела опору идеологически обусловленная советская культура. Искусственная и потому бессодержательная литература социалистического реализма вкупе со средствами массовой пропаганды неоправдимо изуродовала печатное слово. <...> Алешковский, стремясь возвратиться хотя бы к самой элементарной духовной цельности, использует как бы сырой язык, еще не подвергшийся обработке, не сведенный к формуле и не получивший признания правящих сил. Главными героями, как правило, он избирает людей необразованных, так как его цель — представить совершенно свежий, не испорченный книжной наукой взгляд на мир» (Майер П. — С. 533, 557, 532).

Сам писатель, обращаясь к замкнутым в своем языковом пуританстве эмигрантам первой волны, по этому поводу высказывался: «Или вы полагаете в своей безмятежно демократической Америке, что если лагерная жизнь миллионов людей стала частью общей страдальческой жизни России, то ее язык должен был остаться прежним: мастеровой — мастеровым, крестьянский — крестьянским, пижонский — пижонским, гешефтерский — гешефтерским, а целомудренно-девичий — целомудренно-девичьим и так далее? Вы ошибаетесь. Язык лагерей и тюрем, в которых соседствовали судьбы святых и убийц, гениев и растлителей малолетних существ, рабочих и грязных мошенников, крестьян и скотоложцев, балерин и форменных каннибалов, священнослужителей и хулиганов, философов и карманников, язык невинных душ и невероятных злодеев не мог не смешаться, не мог делать вид, что судьба людей не имеет к его судьбе никакого отношения. Но и приняв в себя то, без чего он вполне сумел бы обойтись, то, что даже безобразно выражало мытарства страны и народа, он не вымер, не утратил своей сущности, считая для себя более приемлемым и безобидным явлением живой воровской жаргон и самый грязный мат, чем мертвую фразеологию партийных придурков и прочих гнусных трекал. И сколько бы десятилетий подряд они ему ее не навязывали, как бы ни втесывали в самую душу с помощью всех средств своей взмыленной пропаганды, мой родной русский язык отторгает от себя ложь партийного мертвостолбья...» («Карусель», 1989).

«Доказывая, что бюрократический язык и логика, им порожденная, неизбежно приво-

дят к безумию, Алешковский в качестве мерила естественности использует поведение животных — их ведь не совратить словесными уловками и умозрительными построениями. <...> Недаром Фан Фаныч несколько раз поднимает тост за зверей в зоопарке как своих товарищей по заключению» (Майер П. — С. 531). Тем же «мерилом правды» выступают у А. и «универсальные потребности и инстинкт пола и самосохранения» (Там же).

«Центральная тема творчества Алешковского — сохранение духовной чистоты индивидуума, который способен противостоять клише всех угнетателей благодаря тому, что хорошо знает жизнь, мир и прежде всего — собственное тело. Эта тема связывает творчество Алешковского с основным направлением западноевропейской литературы XIX и XX вв. <...> В лице Юза Алешковского русская литературная традиция остается верной себе и отстаивает прежние ценности с той же страстью, с тем же воистину религиозным пафосом, что и во времена Достоевского и Толстого» (Там же).

Книги А. переведены на английский, немецкий и французский яз.

Соч.: СС: в 3 т. М., 1996; Т. 4. М., 1996; Два билета на электричку. М., 1964; Николай Николаевич. Маскировка. Анн Арбор, 1980; Рука: повествование палача. Нью-Йорк, 1980; Кенгуру. Анн Арбор, 1981; Синенький скромный платочек. Нью-Йорк, 1982; Книга последних слов. Бенсон, Вермонт, 1984; Смерть в Москве. Бенсон, Вермонт, 1985; Блошиное танго. Мидлтаун, 1986; Карусель. Нортамптаун, 1989.

Лит.: Браун Э. Истина через похабство // Русская лит-ра в послереволюционное время. Кембридж, 1982; Рошин М. Юз и Советский Союз // Огонек. 1990. № 41; Глэд Д. Беседы в изгнании. М., 1991; Майер П. Сказ Юза Алешковского // Русская лит-ра XX в. Исследования американских ученых. СПб., 1993; Бондарев А. Жизнь в нелепых проявлениях // Бондарев А. Блуждающие сердца. Воронеж, 1994; Лосев Лев. Тот самый Юз. Аполония // Лит. газ. 1999. 22–28 сент.; Бродский И. [Предисл.] // Алешковский Ю. СС: в 3 т. Т. 1. М., 1999; Пономарев Е. Прорезается душа: Диссидентское и общечеловеческое в текстах Юза Алешковского // Звезда. 2001. № 7.

А. И. Михайлов

АЛИГЕР Маргарита Иосифовна [24.9(7.10). 1915, Одесса — 1.8.1992, Москва] — поэт.

Родилась в семье служащего. После окончания 7-летней школы училась в химическом техникуме, работала на химическом заводе. Начала печататься в 1933, стихи «Будни» и «Дождь» были опубликованы в ж. «Ого-

нек». В 1933–37 училась в Лит. ин-те им. М. Горького. Герой первой книги стихов **«Год рождения»** (1938) — молодой строитель времен первых пятилеток. Дальнейшее раскрытие внутреннего мира лирического героя — в книгах стихов **«Железная дорога»** (1939), **«Камни и травы»** (1940). Как вспоминают современники, уже в ранних стихах угадывался цельный и сильный характер, которому известны не только радости: драматична поэма **«Весна этого года»** (1938), в ней говорится о гибели маленького ребенка.

В 1941–42 А. была корреспондентом в блокадном Ленинграде, воспела мужество и героизм ленинградцев: сб. **«Памяти храбрых»** (1942) и **«Лирика»** (1943). Наиболее значительное произведение А. военных лет — поэма **«Зоя»** (1942), посвященная подвигу московской школьницы Зои Космодемьянской, ставшей отважной партизанкой. «И встал перед ней переполненный мир, / Туманен и солнечен, горек и сладок». Зоя смело идет на защиту этого родного мира, идет на подвиг. Поэма «Зоя» встала в один ряд с такими произведениями, как «Василий Теркин» А. Твардовского, «Россия» А. Прокофьева, «Киров с нами» Н. Тихонова. «Поэма эта по праву вошла в школьную программу и в антологию, переведена на множество языков. Это произошло в силу достоинств самого произведения... Поэма живет и будет жить еще очень долго» (Антокольский П.—С. 209). Подвиг Зои Космодемьянской стал широко известным, обращение писателей к ее образу было закономерным. Одновременно с А. о Зое писал и турецкий поэт Назым Хикмет (находясь в стамбульской тюрьме), к образу Зои обращались и Луи Арагон, и Пабло Неруда. У А. для обращения к образу Зои имелись и личные мотивы, в драматизме поэмы сказались и боль личных утрат — гибель первого ребенка незадолго до войны, личностное отношение к героине поэмы определялось и тем, что Зоя, попав в лапы врагов, назвала себя Таней, а это было имя и дочери автора. Впечатляющий образ народной героини в поэме «Зоя» имел большое агитационное значение. К тому же создана была поэма в те дни, когда начиналась грандиозная Сталинградская битва, от которой зависел исход всей войны, и поэма «Зоя» в самый решительный момент встала в боевой строй. Характерно, что у одного из замученных фашистами воинов нашли пропитанную кровью «Комсомольскую правду» с опубликованной в ней поэмой А. «Зоя».

В номере ж. «Огонек», рассказывавшем в февр. 1943 о разгроме фашистов под Ста-



М. И. Алигер

линградом, можно было прочитать о др. новой работе А.: «Новелла Мопассана „Мадемуазель Фифи“, презрением и ненавистью заклеившая прусских насильников, служит прологом к новой одноактной опере Р. М. Глиэра „Рашель“ (либретто М. Булгакова и М. Алигер)... Написанная простым, доходчивым языком, облеченная в благородную, высоко профессиональную форму, эта опера вносит существенный вклад в оборонный театральный репертуар» (Огонек. 1943. № 5. С. 14).

К театральной сцене А. обращалась не раз: либретто **«Станционный смотритель»** по одноименной повести А. Пушкина и **«Невеста солдата»** по повести В. Катаева «Я, сын трудового народа». После войны посвященная Зое **«Сказка о правде»** А. была поставлена в театрах многих городов, среди них — Москва, Ленинград, Алма-Ата, Горький, Грозный, Ереван, Измаил, Казань, Каунас, Киев, Рига, Рязань, Ташкент, Тбилиси, Улан-Удэ и др. По поэме «Зоя» был поставлен худож. кинофильм (сценарий А. Арнштама и Б. Чирскова). По мотивам поэмы «Зоя» Н. Макарова написала оперу «Сказка о правде».

Для послевоенного творчества А. характерны внимание к общественной проблематике, духовному миру современного героя,

эмоциональность беседы с читателем, доверительность интонаций: поэмы «Твоя победа» (1945), «Красивая Меча» (1951), книги стихов «Первые приметы» (1948), «Ленинские горы» (1953). Крылатые строки А. «Легкой жизни мне не обещают телеграммы утренних газет» вызвали нападки со стороны «оптимистов по заказу», но они хорошо выражали тревожную суть наступившего послевоенного времени. Поэзия А. широко анализировалась в прессе в статьях К. Симонова, З. Кедриной, М. Соболя и др.

А. обратилась и к зарубежной теме — циклы стихов о ГДР и ФРГ, Японии и Чили, книга очерков «Возвращение в Чили» (1966). Активно занималась переводами. В сб. А. «Огромный мир» (1968) опубликованы ее переводы стихов Л. Арагона, П. Неруды, Б. Багряны, Д. Максимович, Н. Хикмета и др. зарубежных авторов. Среди переведенных А. поэтов народов СССР — И. Абашидзе, М. Бажан, С. Вургун, А. Ерикеев, Джамбул, Зульфия, С. Капутикян, Л. Квитко, Э. Межелайтис, Б. Шинкуба и др. Кроме стихов Леси Украинки, А. перевела ее пьесу «Каменный хозяин».

Особый интерес вызвала в 1980-е книга статей и воспоминаний А. «Тропинка во ржи». Обращение к мемуарам не случайно, «это — веление души, стремление рассказать о своем поколении». Рассказывая об Ахматовой, Антокольском, Асееве, Заболоцком, Твардовском, Фадееве, А. «находит точные, выверенные слова», как отмечал И. Гринберг (Вопр. лит-ры. 1980. № 12. С. 273). Перед читателем не просто страницы прошлого, но память сердца, «переживание, искреннее, глубокое, отзывающееся эхом в душе читателя» (Графова Л.— С. 259).

Соч.: СС: в 3 т. М., 1984–85; Стихотворения и поэмы: в 2 т. М., 1970; Стихотворения и проза: в 2 т. М., 1975; Зоя: поэма. М., 1943, и др. изд.; Синий час: Новые стихи. М., 1970; Тропинка во ржи: О поэзии и поэтах. М., 1980; Четверть века: книга лирики. М., 1981; Беседа // К. Симонов в воспоминаниях современников. М., 1984. С. 46–63; В Мадриде [и др. стихи] // Бессмертен подвиг ваш. М., 1986. С. 226–228, 314, 334, 343–344; «Верю в неиссякаемость русской поэзии» / беседу вел Е. Кузьмин // Лит. газ. 1986. 21 мая; О моем друге // Казакевич Э. Звезда. М., 1988. С. 9–32; «...Жгучее стремление быть творцом» // Знамя. 1988. № 11; Встречи и разлуки. М., 1989; Разговор в дороге: стих. // Оттепель. М., 1990. С. 362–365; В последний раз // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 349–367; Десанка Максимович / вступ. статья к подборке стих. // Феникс-XX. М., 1993. № 4–5; Жгучее воспоминание // Ясная Поляна. М.; Тула, 1997. № 1.

Лит.: Никитина Е. Поэма военных лет. Саратов, 1958. С. 51–71; Савельев С. Страницы, дописанные жизнью // Радуга. 1970. № 1; Турков А. Открытое время. М., 1975. С. 156–171; Антокольский П. Путевой журнал писателя. М., 1976. С. 205–221; Гринберг И. Не уходящее былое // Вопр. лит-ры. 1980. № 12; Графова Л. Память сердца // Дружба народов. 1981. № 5; Смирнов И. Поэт и работа // Лит. обозрение. 1982. № 2; Хелемский Я. Продолжение монолога // Знамя. 1982. № 9; История русской советской поэзии. 1941–1980. Л., 1984. С. 12 и др.; Абрамов А. В огне Великой войны. Воронеж, 1987; Меттер И. Будни. Л., 1987. С. 311–314; Сидоров Е. Теченье стихотворных дней. М., 1988. С. 88–101; Макарова Э. Поэма Маргариты Алигер «Зоя» // Проблемы эволюции русской литературы XX в. М., 1995. Вып. 2. С. 126–127.

Р. В. Шошин

АЛТАЕВ Ал. (настоящее имя Маргарита Владимировна Ямщикова) [22.11(4.12). 1872, Киев — 13.2.1959, Москва; похоронена в Петербурге на Литераторских мостках Волкова кладбища] — прозаик, публицист, мемуарист.

М. В. Ямщикова принадлежит к древнему русскому роду. Предки матери, А. Н. Толстой (по первому мужу Львовой), вели историю от Н. Н. Толстого, декабриста и участника семеновского бунта, близкого друга М. Н. Муравьева-Апостола и Ф. Н. Глинки. Род отца — помещика В. Д. Рокотова — восходит к известному русскому художнику-



М. В. Ямщикова (Ал. Алтаев)